

В КООРДИНАТАХ МИФА

Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов
Юрий Харламов
Юлия Ребекка Лильберг
Лейла Джей Эсли Дильбази
Волкова Кот Бася Юрий Полуэктов
Харламов Ярослав Колосов
Марина Каксимикова Светлана Елфимова
Евгения Бильченко Анна Юнис Онегина Елизавета

Игорь Печерега Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова

Евгения Бильченко Анна Юнис Ребекка Лильберг Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова Анна Юнис Онегина Елизавета

Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов
Юрий Харламов
Юлия Ребекка Лильберг
Лейла Джей Эсли Дильбази
Волкова Кот Бася Юрий Полуэктов
Харламов Ярослав Колосов
Марина Каксимикова Светлана Елфимова
Евгения Бильченко Анна Юнис Онегина Елизавета

Игорь Печерега Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова
Евгения Бильченко Анна Юнис Онегина Елизавета
Волкова Кот Бася Юрий Полуэктов
Харламов Ярослав Колосов
Марина Каксимикова Светлана Елфимова

Евгения Бильченко Анна Юнис Ребекка Лильберг Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова Анна Юнис Онегина Елизавета

Игорь Печерега Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова Анна Юнис Онегина Елизавета

СКИФИЯ

Анжела Бецко
Евгения Онегина
Елизавета Веселкова
Игорь Печерега
Лейла Джей Эсли Дильбази
Мурат Ибрагимов
Ярослав Колосов
Марина Каксимикова
Светлана Елфимова

Игорь Печерега Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова

Евгения Бильченко Анна Юнис Ребекка Лильберг Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова

Игорь Печерега Лейла Джей Эсли Дильбази Мурат Ибрагимов Ярослав Колосов Марина Каксимикова Светлана Елфимова Анна Юнис Онегина Елизавета

Антология
Нари Ади-Карана
В координатах мифа
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24721027

В координатах мифа : антология. / Ред.-сост. Нары Ади-Карана.:

Скифия; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-00025-075-4

Аннотация

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира.

Содержание

От редактора	9
Заикленное	10
А все, до цитаты, достанется нищим...	13
Мое Ангелическое, очередное	14
Буколическое	16
Еще раз про Ассоль	17
О зависти. Еще	19
Аум	20
Потому-то	22
Бабочки	23
Просто вместо овечек. Ночное полубредовое	25
«Сибирь моя, любовь моя – Алтай...»	27
Вестпросветное	28
Осеннее бабье	29
И все еще...	31
«Щербатый мир свистит в прорехи ветром...»	34
НеАхматова	36
Осеннее депрессивное	38
Навстречу птицам, осенью на север...	39
Клен. Из мужского альбома	41
Укусила себя за хвост...	42
Подражание Шекспиру 85	44
Солнце на синем	45

Дорожное	46
Без слов	48
Провинциальное	50
Не парижское	52
«Это русская сторонка»...	54
Незнакомая Родина	56
Из дорожных зарисовок	58
Крепкий орех	61
Город ты мой единственный	62
Начинается с детства...	64
«Зайцы»	66
Где-то бесконечно далеко...	68
Памяти мамы	70
«Незачет»	72
«Висс бус лаби»[2]	74
Дымы отечеств	76
Солнцем – на синем...	78
Шурави[4]	80
Постновогоднее	83
Театр Карабаса	85
Карточный домик	88
Булгаковский цикл	93
1. Начинающей трагической актрисе	93
2. Маргаритина мазь не поможет	93
3. У зубчатой стены	95
4. Михаилу Булгакову	95

5. Доносы	97
6. Новый «НЭП»	98
7. Непраздничное обращение в праздничный день	99
8. Гелла	100
9. Коровьев	101
10. Пилат	102
11. Темные лошади	102
12. Оглянувшийся вниз	104
13. Реклама	105
Театр Карабаса	107
1. Полечка	107
2. Представление окончено	108
3. Куплеты Карабаса	108
4. Танец плетки	109
5. Актеры	109
6. Силуэт К-К-Карррабаса	110
7. Думы Карабаса	110
8. Недоумение Луны	112
9	112
Литературой греясь на бегу	114
«В детстве, когда мы бывали в Сочи...»	117
«Тут у нас включается свет...»	118
«Когда у нас 8.15, у вас война...»	119
«Все детство я пробежала за хлебом...»	120
Новый год в Тель-Авиве	121

«В каракули спрячу в эти...»	123
«Господи, как я хочу в Москву!...»	125
Марина Ивановна	126
Дерево	128
Нона	129
«Конечно, ни кукол уже, ни лошадок...»	130
«К маме бы... она не узнаёт...»	131
Когда мне было пятнадцать лет	132
«Не надо трясти архивом...»	134
«От прогорклой крепости до крыльца Никольского...»	138
«Зимой замечаешь, с каким трудом...»	140
«Усатые дядьки кричат: «Красавица!»...»	142
Прага	144
Ноябрь	145
Обстоятельства времени	146
В какой стране	148
Конец ознакомительного фрагмента.	150

**В координатах
мифа: антология
Редактор-составитель
Нари Ади-Карана**

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году

Том 5

Издательство приглашает поэтов и авторов короткой про-

зы к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки принимаются по адресу skifiabook@mail.ru.

Подробности конкурса: издательский сайт www.skifiabook.ru.

Все тексты печатаются в авторской редакции.

От редактора

Что первично – реальность или ее описание?

Не вырастает ли этот весомый, грубый, зримый мир из мифа, созданного кем-то и когда-то?

...Или нами самими – прямо сейчас?

Редактор тома Нари Ади-Карана

P.S. Если у вас есть желание предложить свои произведения – мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: skifiabook@mail.ru с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

Зацикленное
Ирина Окс. г. Мурманск

От автора:

Я – Ирина Окс. Имя и фамилия настоящие и мои с рождения.

Прошлое у меня было. Там были Воркута, Москва, Камень-на-Оби, любовь, стихи, работа, работа, работа... Ой, даже Парижа три дня было!

Настоящее у меня есть. Здесь у меня Мурманск, любовь, дочка в Питере, работа-аптека, стихи, стихи, стихи... Я прописана на Стихи.ру уже семь лет.

Будущее у меня будет. Там у меня будет все только хорошее, потому что так поется в детской песне. Взрослые песни врут.

Бог есть. Смерти нет. А остальное – лишнее обо мне будет только мешать читателю воспринимать стихи.

© Окс Ирина, 2016

А все, до цитаты, достанется нищим...

А небо некстати в ночи голубеет,
и бездну вбирают глаза глубиной;
а жизнь на Земле несравнимо грубее,
но небо в стихах остается со мной...

И бьются поэтские души босые
о камни житейских сует и невзгод,
и каждый поэт в своем слове мессия,
и каждый поэт в этом мире изгой;
и те, кто сейчас не поймут и освищут,
за гробом слезами омоют венки,
а все, до цитаты, достанется нищим,
что вслед усмехнутся: «Отбросил коньки».

Мы все улетим. Но останется Слово
иконами в храме на нашей крови...
А с неба, некстати в ночи голубого,
осыплются звездами строки любви.

Мое Ангелическое, очередное

Мы шли уготованным ранее чьим-то путем, мы ведали Солнце и море по тысяче раз и так умирали, не зная, на что мы идем, и с нами измором ушли пять замученных рас.

Когда мы вернулись, увидели небо в крови, когда мы вернулись, нас жаждали, ждали и жгли,
и мумии улиц дорогами дней перевив, армады горгулий уснули в церковной пыли.

Тиары и мантии саваном падают в грязь, икон благооких за окнами снова не счесть, а мир, от ума не горюя, сторает от дрязг, и Солнце упало с Востока...

И мы уже здесь.

Кто с нами пойдет, мы не знаем, не видя живых, а мертвые очи способны полнеба убить! Мы плачем дождем, если душами плачете вы, но вряд ли сквозь сон вы упетьесь лишь кровью рябин.

Мы ваши потомки, убитые вами давно, и общая ненависть наша должна умереть, как крыса в потемках, оставшись гуано в земном, которое мы еще вспашем на зимней заре. И старых царей из могил поднимая на суд, сдирая кресты с перепачканных кровью гробов, пусть наши друзья и враги общий крест понесут, гремя черепами погибших за слово «Любовь».

Когда его вспомнят.

Буколическое

На высоких отрогах серьезного Запада рук, там,
где ходят стадами волы и коровы мыча, мы идем
по дорогам, их камни ругая к утру, и приносим
страданье туда, где надежный причал.

А еще мы привозим надежды без веры в любовь,
а еще в наших стойлах в солому заныкана соль, и
запретную нежность мы дарим, идя на убой, а до
этого стонем и ломом вбиваемся в сон...

На высоких отрогах, где мысли стремятся в Тибет, нам
с шерстистыми яками тесно – до них далеко,
и тропею пологой спешат избавляться от бед те, кто
истину маковым соком дольет в молоко.

А еще мы на Север скалистый пойдем зимовать,
и спокойная старость – бесцельная цель бытия.

А еще мы посеяли истину в Божьих словах и находим
в их зарослях слаще лекарства лишь яд
на высоких отрогах.

Еще раз про Ассоль

На доверчивых далях скалистого Севера дней,
до которых доплыть удастся живыми не всем, далеко
не всегда ожидает нас море огней, и других водоемов
на них не увидишь совсем.

А увидишь пустыню и тупиков целый базар, и летающий
пух, поседевший, как пепел. Нет, снег. Но на нем
не остынут мечты, просолившись в слезах, даже если им
за... и тебе не до крыльев во сне, вместо них две лопатки
и опыт – горбом – за спиной, и в альбомах столпились
портреты забытых друзей, и тетрадки-палатки с
оглядкой припомнить смешно, и разбились в степи две
кареты, а ты на козе, и на юге оставленном, сытно, темно
и тепло, и побита бессонницей шкура потертых ночей, и
в проклятую старость по пояс воды натекло, и заметно
усохла душа... и еще... – и вообще...

На доверчивых далях скалистого Севера дней, на крутых
берегах, где Ассоль никогда не паслась, не затерты во
льдах, стаей тупиков плачут по ней шумный дом
с пирогами и пара не склеенных ласт.

Только где она бродит, неведомо мне и тебе, и чего она
хочет, не знает, наверно, сама, но при ясной погоде
скрипит в том доме колыбель, видно, ждет ее дочку,

пока не настала зима на доверчивых далях скалистого Севера.

О зависти. Еще

На завистливых далях песчаного Юга ветров, где самумы с мистралем сплетаются, падая в штиль, там, где ждали и звали того, что зовется добром, и смеялись над страхом, стремясь к окончанию пути, мы оставили радость открытого настежь окна, на котором листает дневник непутевый апрель. Там распахнутым взглядом следила за нами весна, и любовь не святая легла простыней в акварель и размазала слезы, глаза во все щеки открыв, потому что испорчено краской прекрасное в них... Мы оставили звездный азарт до начала игры, написав неразборчиво кучу наивной фигни.

На завистливых далях, где дети помашут нам вслед, будут счастливы внуки, но мы не узнаем о том, как давили педали они и на велике лет с ветром мчались к науке, что в мире несчастлив никто. Кроме них.

Аум

На поющем Востоке далекой и близкой души пребываем
мы

вечно и вечно тоскуем о нем. Он Бангкоком и Токио нас и
смешит, и страшит, и дорогами млечными манит, когда
мы уснем.

На поющем Востоке из чаш вырастают цветы, и на сакуре
дивное диво поет по весне, и из древних истоков течет по
предгорьям крутым Беловодье бурливое к солнцу до
крови

краснеть;

и мечты зарождаются там, и возможен полет, и не хочется
думать о том, чего может не быть и не может не быть...

А хрустальный нетронутый лед так похож на звезду
опрокинутой ступы Судьбы. Мы толчем и толкуем, но
толку

пока не видать, эта скучная сказка без смысла, как день
без

конца. Словно дуло к виску, в рюмку бросившись
кубиком

льда, приставляем мы маску, скрывая личину лица.

На высоком Востоке души, где вибрации мантр
резонируют

с сердцем, живет и всевластвует Бог. Нервом, ниточкой

тонкой пришит Он к карману ума и за тридцать
сестерциев

в церкви торгует собой.

...потому что так легче серьезному Западу рук.

...потому что так проще жить в зависти Югу ветров.

...потому что так лечит доверчивый Север хандру.

Бог Адамову рощу срубил им под кров и для дров.

...чтобы стало теплее душе.

Потому-то

На пуховой на постели облаков
в полудреме пьют парное молоко
из разлившегося Млечного Пути
двое странников, которых Бог простил.
Ножки свесив, улыбаются-молчат,
греют крылья в ярких солнечных лучах.

То ли облачность пернатая легла,
то ли радость их с печалью пополам,
но куда по облакам они пойдут,
взявшись за руки у мира на виду,
непонятно им самим, а в облаках
им друг с другом очень нравится пока.

На закате в небесах царит покой,
на пуховой на постели облаков
двух заблудших по головкам гладит Бог,
потому-то мы и счастливы с тобой.

Бабочки

Бабочки друг с другом в одуванчиках
по весне на солнышке любились
и с нектаром желтые стаканчики
залпом осушали в изобилии.

Без ума любились, безоглядные,
бабочки – всей жизни двое суток —
без задумок: хорошо ли, надо ли,
без боязни сплетен-пересудов.

Солнышко светило в небе ясное,
май пришел, и травка зеленела,
бабочки друг с другом были счастливы.

Кто на ком?

Кому какое дело.

Просто вместо овечек. Ночное полубредовое

Ежик седых волос,
время течет к нулю...
Поводов нет для слез,
просто пока не сплю,
просто в окне луна,
просто давно вдвоем,
просто твоя спина
сердце спасет мое;
просто смешно сопишь,
просто тревожно спать,
просто такая тишь,
просто одна кровать,
просто тобой дышу,
носом уткнусь в плечо,
люстра, как парашют...
Что это я? О чем?
Просто родным теплом
пахнет твоя рука,
просто блестит стекло,
и без тебя – никак,
и в голове сумбур...
Тихо подкрался сон.
Нашу с тобой судьбу

ночью разделит он.

«Сибирь моя, любовь моя – Алтай...»

Сибирь моя, любовь моя – Алтай,
мой сон, мой теплый край, моя стихия,
мой идол поклонения мостам,
и тайна, и алтарь...

Какой трухи я
ни наташу к тебе из дальних мест,
с какой бы ни пришла к тебе дороги,
скитов твоих негромкий благовест
смиренно встретит и омоет ноги,
и инокиня Обь, темна водой,
печаль мою с души сотрет подолом,
и месяц в небе, робкий, молодой,
осветит эту ширь. Пусть будет долог,
моя Сибирь, твой век, чтоб Русь могла
омыть свои стопы, чиста тобою,
и чтоб Москвы златые купола
восславили ее твоей Любовью!

Сибирь моя, любовь моя – Алтай,
ты песня, ты весна моя святая,
моей Судьбы полет и высота,
ах, мне б к тебе за журавлиной стаей
в родимый край...

Bestпросветное

Под омофором розовых небес
совсем не важно, где мы или кто мы,
не важно даже, море или омут
мутит хвостом наш персональный бес.
Наш мир бескрайний состоит из бездн,
и он бездонен под бездонным небом.
совсем не важно, зрелищ или хлеба
не выдаст Бог или свинья не съест.
и каждый в этом мире is the best,
и сам себе и цирк, и bestiарий,
и каждый зверь способен двести арий
исполнить для других живых существ,
но не поет, а только просит есть
и выедает собственную душу.

Так океан Любви остатком суши
в бессильной жажде будет выпит весь.
Когда не станет в этом мире песен
и музыка исчезнет навсегда,
тогда иссякнет Божья благодать
и мир, дойдя до дна, нам станет тесен.

Осеннее бабье

Суета, маета и дороги расхлябаны...
Вопреки ожиданиям, всем бедам назло
запестрят зеркала бестолковыми бабами,
что в погоне за счастьем встают на крыло,
запестрят зеркала лебедицами-ведьмами.

По осеннему небу на метлах, шутя,
бабы верят в любовь
до конца до победного,
как в пришествие смерти не верит дитя.

Бабы верят в любовь,
громыхая кастрюлями,
привыкая в миру забывать о себе,
если их мужики не погибли под пулями,
значит, будет кому приготовить обед.

Бабы верят в любовь.
Эта вера по странности
вере в Деда Мороза из детства сродни:
сможет стать им любой, кто придет, звякнув санками,
по головке погладит и влезет на них.

Бабы верят в любовь
ради слова приветного,

ради счастья судачить с подругой о том,
что терпеть невозможно диванно-газетного
кобелину с ленивым пивным животом.

Бабы верят в любовь,
сериалами вскормлены,
и, мечтая, играют в чужую судьбу,
голодая в погоне за стройными формами
и по жизни таща мужика на горбу.

Если держится мир на доверии бабами,
дай им ноги покрепче, Всевышний,
хотя...

Хорошо, что дороги и души расхлябаны,
раз им выдался шанс полетать,
пусть летят.

И все еще...

Ветхозаветный театр теней:
за райским садом Божий ад,
потом потоп. И все.

Верней, побил градом виноград.
И все.
И не напился Ной.
И все.
И не родился Хам.
И, слава Богу, под луной
нет места горю и стихам.
И все?

Отнюдь. В который раз
нашелся умник – попросил.
И все.
И – кто во что горазд,
на что хватило средств и сил.
И все.
И зря старался Бог.
И все.

И не пошли ко дну
ни пьянство с хамством, ни любовь,
ни стихопесни про луну.

И все.
И нет скончанья дней.
И все.
И молится за нас
Ветхозаветный театр теней,
творя намаз в рассветный час.
И все? И все.

Старый круг любви очерчен...
Старый круг любви очерчен. Циркуль воткнут в
середину,
я смотрю, как завершает серый росчерк карандаш...
Мозг усталый гуттаперчево замкнулся и окинул

прежний путь, и жизнь большая изменилась навсегда.
Круглый стол осенней тризны... Что ж, обратной нет
дороги:

мы останемся друзьями и расстанемся светло,
на могилке прежней жизни не помянем всеу Бога,
хилый трупик в волчьей яме зимней выметут метлой.
Мы черту перешагнули, цепи замкнутого круга
тяготить тебя не будут, вот и все, прости-прощай,
новых мыслей старый улей, новый циркуль – друг без
друга,

вновь доверие к Иудам, снам, приметам и мощам.
Циркуль воткнут в середину, не ко времени доверчив,
по окну текут снежинки, начинается зима.

А вернувшийся с поминок инцидент давно исперчен:
лист, повисший на осинке, даже ветки не сломал.

«Щербатый мир свистит в прорехи ветром...»

Щербатый мир свистит в прорехи ветром,
Святая ночь уже не за горами,
и вечный миф от елки и до вербы
всем суждено пройти и стать ветрами.
А снег, как зуб, из детства выпадает
и небо режет, рвань из Божьих десен.
А здесь, внизу, грань бытия седая
ложится между осеней и весен.
И выгрызает в Солнце, словно в сыре,
окно для ночи крыса-непогода,
и вновь неон царит в подлунном мире,
и заморочен он водой и модой.
А снег летит, ему до них нет дела:
он сам вода, без времени красивый,
и этот стих, почти без рифмы – белый —
зиме подарок. Только ночью синей
все кошки серы, и не видно снега,
и рот закрыт, и зубы не при деле,
и Божья вера в собственную силу
в финал игры выходит на пределе,
но не сдастся, значит, будет буря!

И заштормит на целое столетье:

в пылу эмоций Бог, чело нахмутив,
щербатый мир раскрыл навстречу детям.

НеАхматова

...и если писать стихи
тебя приспособил Бог,
то, будь ты хоть трижды хитрый,
все выйдет само собой:
ты можешь сопротивляться,
от рифмы сбегая в кайф,
но даже из птичьей кляксы
родится твоя строка.
А ты не пиши, попробуй
обидься и не пиши —
стихи заползут микробом
в обитель твоей души,
и будешь ты диким зверем
метаться от них, вопя,
гони их в окно, но в двери
они будут лезть опять,
пока не достанешь листик
и, взяв над собою верх,
не вывалишь все, очистив
помойку, что в голове,
из вываленного сора
получится строчек семь,
но ты остальные сорок
не вздумай забыть совсем,
и если стихи сподобил

зачем-то писать нас Бог,
пиши и с тобой до гроба
пройдет по Земле Любовь.

Осеннее депрессивное

Ушла в себя и не вернулась,
и так живу,
а осень вдоль печальных улиц
метет листву,
и жизнь летит, как листья, мимо,
скупа теплом,
не чувствую себя любимой —
и поделом...

Внутри меня темно и сухо,
чего ж еще?

Придет с косою Смерть-старуха,
предъявит счет,
да нечего ответно Смерти
мне предъявить,
ведь не отнимут счастья черти,
раз нет любви.

Скажу: жила в плену иллюзий,
и вот итог:

скатался, завязавшись в узел,
Судьбы моток.

Исчезну, без вести пропавшей
в осеннем дне,
и серый дождик подгулявший
всплакнет по мне...

Навстречу птицам, осенью на север...

Навстречу птицам —
осенью на север
я снова следую природе вопреки.
Опять не спится.
Чаем сон рассеяв,
твердят соседи мне, что люди – дураки.

К чему я еду,
снова возвращаясь,
чего не видела? Мой дом уже не тот...
Истлевшим пледом
да остывшим чаем
меня обыденность заплесневело ждет.

Как странно: память
душу мне не греет,
и от грядущего я радости не жду,
но это ранит
осенью острее,
как будто времени печальней нет в году.

И небо низкой
облачностью хмуро
глядит слезливо поезду вослед.
Перрон так близко,

я и вправду дура,

и лишь наивные считают, что поэт.

Клен. Из мужского альбома

Вновь улетело лето, птичьи стаи
готовятся растаять в небесах,
листва желтеет, выжжена местами,
и всех стихов уже не написать...
Сады расшиты бисером черемух:
что было белым, кажется черней.

Немного грустно выходить из дома,
немного пусто в доме и во сне,
немного странно жить в начале века,
в котором предречен конец времен,
немного больно с сердцем человека
тому, кто был Любовью ослеплен,
немного страшно без любви остаться,
грешно немного оставаться с ней,
смешно немного выглядеть паяцем,
немного пошло злиться и краснеть
от горьких слов одной из тех немногих,
в которую немного был влюблен...

Немного поздно вспоминать о Боге,
когда ты сам – давно опавший клен.

Укусила себя за хвост...

Я Уроборос, я голый Феникс, я обгоревший бескрылый птах, бог-богоборец, vagina-penis, орел и решка...

В чужих устах я так устал от пустых проклятий в набитых мною несытых ртах, что на глиста стал похож я статью, и харкать гноем на тень Христа в тени креста я устал не меньше, но что поделаешь — смерти нет, есть только дети мужчин и женщин, да семь наделов чужих планет, да звон монет – чешуей по коже, да поминальный протяжный звон... Да, смерти нет. Но ведь жизни – тоже. Так что же с нами? Неужто сон?

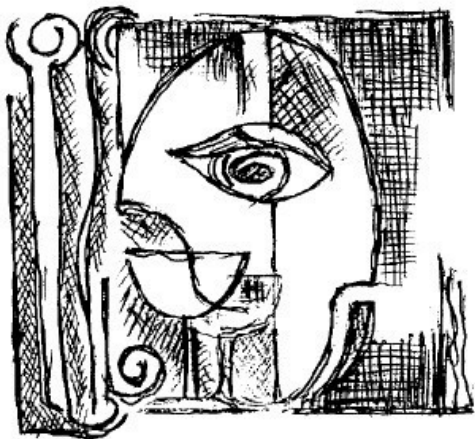
Я Уроборос, я бесконечен, и хвост – все то, что не голова, и перьев поросль болит, как печень, и в осень пошло летят слова... И целовать этот хвост противно, и укусить его запаadlo, и мне бы в ад давно уползти, но на небеси возлюбили зло. И сам себя я люблю и плачу, и снова плачу и хохочу, в своих объятьях себя же трачу на бред собачий и перья чувств. Они потеряны всеми, всюду и сожжены на хвосте времен, а вместе с перьями вера в чудо, с ней иже ны... И приговорен я грызть сей хвост обгорелый, горький и помнить вечно, башку обвив, о брызгах звезд на

тарелках гор и о бесконечной большой Любви...

Я Уроборос, я память предков, я амнезия, я тьма и свет, костер и хворост...

...возврат каретки...

Плевать на зиму мне. Смерти нет.

Подражание Шекспиру 85

Как трудно вознести Тебе хвалу,
влача свою Судьбу, как я влачу.
Как трудно прочитать молитву вслух
и уберечь дыханием свечу,
и, обжигая воском пальцы рук,
нести ее тому, кому велишь,
и, замерзая на сыром ветру,
идти за ним, светя, на край земли,
и боль терпеть, и петь о боли той,
и знать, что счастье будет не со мной,
и быть мечтой, расставшейся с мечтой,
оставшейся земной и неземной,
и ежечасно говорить с Тобой,
и верить в то, что Ты и есть Любовь.

Солнце на синем

Елена Копытова. Латвия, г. Рига

От автора:

По образованию – юрист, по профессии – преподаватель.
Есть сын-школьник. Люблю поэзию и воздушный экстрим.

© Копытова Елена, 2016

Дорожное

...А за окном – березово. Шпалы – чересполосицей.
Небо играет красками щедро и нараспев.
Сумерки гонят с пастбища рыжее стадо осени.
Даль убегает в прошлое, выдохнуть не успев.

Только прикосновение, только намек – не более...
Тянется-канителится времени волокно,
зыбится послесловием чеховской меланхолии...
Желтый зрачок прожектора высветил полотно.

Беглый этюд – плацкартное: рыжий трехлетка с яблоком.
Ложка по подстаканнику бряцает бубенцом.
На незнакомой станции суетно, как на ярмарке.
Пахнет капустой квашеной, бочечным огурцом.

Можно дышать, как дышится... или парить, как движется.

Можно сказать, как выдохнуть – шелестом-ветерком.
Только вот слово «Родина», в общем-то, слишком книжное...
лучше бы – полушепотом, тающим сквозняком.

Бродят слова ненужные (вроде письма с оказией) —
то ли уже на подступе, то ли еще в пути...

– Вяленным рыбным Севером, спелой арбузной Азией,
мокрым хохлатым Питером
встреть меня, приюти...
и посмотри доверчиво... и обними по-дружески...
пусть себе паутинится медленной речи вязь.
Будь ты слегка подвыпившей, луковой и простуженной...
Знаешь, и пуповинная недолговечна связь.

Вижу – на шею времени кольца легли годичные.
Вижу, как из дорожного старого рюкзака
волком глядит предательство паспорта заграничного
с ужасом обреченности вечного чужака.

Без слов

Говорят, в Отечестве нет пророка,
да и кто б узнал его, если – есть?
Но зато опять на хвосте сорока
притащила сдуру худую весть.

...А в чужое сердце влетишь с разгона,
так тебя проводят – «на посошок»
полной чаркой спелого самогона.
Сумасбродно, ветрено... – хорошо!

...А потом – привычный рассол на завтрак.
Хоть полвека пей, все равно – тоска.
Ты чужой здесь и... не сегодня-завтра
упорхнешь, как ласточка с облучка.

...но пока... молчи! На душе бездонно.
Все, что важно, сказано и без слов.
Просто Бог, шутя, раскидал по склонам
золотые луковки куполов.

Просто остро пахнут лещом и тиной
на равнинах волжские рукава.

И тебя пронзает гусиным клином
ножевая русская синева.

Провинциальное

...И неважно, где он и как зовется —
городок с часовенкой под ребром.
Ночью время черпаешь из колодца,
до утра гремишь жестяным ведром.

И душа наполняется зыбкой грустью.
Все застыло будто бы на века
в закоулках этого захолустья.
На цепи по-волчьи скулит тоска.

...колосится утро над бездорожьем.
На лугах – ершистая трын-трава.
Вот бы враз оторваться, сдирая кожу! —
Отболев, отникнуть, но – черта с два! —
Как ни бейся – хлесткая пуповина
неизменно тянет тебя назад.

...у хозяйки – брага (к сороковинам.)
На столе – портрет (утонувший брат.)
На цветастом блюде – свечной огарок.
Кислый квас – во фляге. В печи – блины.
На плакате выцветшем – Че Гевара,
и ковер с оленями – в полстены.

Даже то, к чему ты едва причастен,

прикипает к памяти навсегда.

В сенокос – царапины на запястьях

да жара без продыху – ерунда.

От того, что было сплошной рутинной —

горячо и больно, по телу – дрожь...

тишина колышется паутиной —

даже выдохнуть страшно,

а вдруг порвешь?

Не парижское

Улицы не парижские... Ветер гуляет кочетом.
Голуби над задворками. Нудные холода.
У пацанов с окраины папы – сплошные «летчики».
Рано стареют матери. Чадно горит звезда.

Хочется... прочь! – Из города, чтобы дорога – скатертью,
чтоб разговоры в тамбуре, а за окном – поля,
чтобы вдыхать заутренний свет над церковной
папертью...

чтобы отцу и матери пухом была земля...

или... на тесной кухоньке пить до утра шампанское,
чтоб на одном дыхании – залпом объять сполна —
русское и еврейское, польское и цыганское...
чтобы в душе – бубенчики, а на дворе – весна...

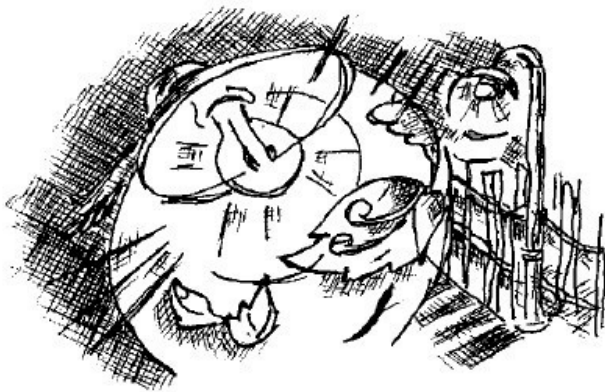
был бы, слегка присоленный, хлеб – на ладони времени...
чтобы в гостях – желанные (и никогда – врасплох),
чтоб прорастало лучшее не из чужого семени...

но... на ветру качается пыльный чертополох...
не золотятся колосом Псковщина и Смоленщина,
наглухо занавешены долгие вечера...

а в безымянном городе плачет хмельная женщина,

будто опять поверила, что из его ребра...
будто припала Родина к теплой груди Всевышнего —
плачет — не успокоится, не оторвет лица.

Улицы не парижские — с кошками и мальчишками,
папы — сплошные «летчики», нет холодам конца.

«Это русская сторонка»...

«Это русская сторонка». Летний зной в затоне тонет.
Спит соломенное солнце, зарываясь в облака.
Голосит петух поддатый: «Распрягхайте, хлопцы,
кóней!» —

Метит в «яблочко» – навылет (чтоб уже наверняка)!

Хоть полшара – десантируй, здесь любому хватит места.
За бескрайним Енисеем всякий – Будда (в меру сил.)
Медитируют в Сибири дети светлой Поднебесной...
«Рэнь-шэн бу-кэ хвань-дэ-хвань-ши»¹ —
как Конфуций говорил. —

Прав он был. Да кто бы спорил? – Все бесценно. Время
тленно.

Над чубатыми борами – желторотая заря.
Машут лапами березы. Вечер будет офигенным...
Разбавляй речной прохладой жгучий спирт из
«пузыря»!..

Ветеран двадцатилетний. Он послал меня в... европу!
Он сказал, что я с акцентом говорю!.. Достал баян... —
понеслись гнедые звуки по околице галопом. —
Это русское... застолье...

¹ «Нужно прожить жизнь так, чтобы ни о чем не сожалеть».

«Это Родина моя.
Это русская сторонка».

Здесь тебя не ранят в спину.
Ночи лунные полынны. Тонкокожи тополя.
И... почти невыносимо...бьется жаром за грудиной:
«Это русские картины...
это русская земля...»

Незнакомая Родина

Два вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?»,
как седые проселки, навеки схлестнулись.
В Ярославле над Волгой ярится закат.
Тлеет Тула витринами пряничных улиц.

А в вагоне – туман опрометчивых слов.
Да и сам ты доверчив, наивен и жалок,
обнаживший всю душу до самых основ,
точно Питер – изнанку своих коммуналок.

...За спиною – перрон. Переступишь порог —
и на пир с «корабля», но расходятся гости.
...А рассвет с огоньком, и с горчинкой дымок,
и дрова – на дворе, и трава – на погосте.

Оживает душа, обращенная в слух.
Акварельные зори свежи и прозрачны,
но умолк предпоследний нетрезвый петух,
оцарапав околицу хрипом наждачным.

Вот бы взять да попробовать жить-не тужить,
чтоб душа – нараспашку!.. Похмельно-непьющий,
понимаешь, что... – к лешему вся эта жизнь! —
Что за чушь, что дорогу осилит идущий?

Кто соврал, что идущему ноша легка? —
Добрести бы до дома неровной походкой...
(Как известно, Россия – в глазах чужака —
пресловутый медведь, балалайка и водка.)

Незнакомая Родина... Все занесло —
заметелило пеплом неверного слова.
...А в плацкартном вагоне тепло и светло.
И подросток-«ботаник» читает Толстого...

Из дорожных зарисовок

Алеше не снятся...

Все – сам! – Он никак не согласен на меньшее.
Мальчишка – в тельняшке, но... спит, как сурок.
Алеше не снятся дороги Смоленщины...
(не видел он толком российских дорог.)
Над верхней губой – чуть заметная родинка.
Он – сам по себе, не задолблена роль.
Он знает, «с чего начинается Родина» —
с таможни, со слов: «Пограничный контроль!».

...А плюшевый мишка две бусины вылупил
и смотрит насквозь, от бессонниц устав...
пока по «нейтралке» – из Себежа – в Зилупе
со свистом летит желто-синий состав...

За далями – дали вослед... и – так далее...
смолистый рассвет заливает леса.
И вздрогнешь, увидев – колодцы Латгалии
сухими глазами глядят в небеса.
...И с полок слетают крылатые простыни.
...Небритый сосед говорит: «Вуаля!»
...Саднящий динамик фонит девяностыми —

«Зачем нам, поручик, чужая земля?».

Так странно – «проселки, что дедами пройдены» —
другая судьба, незнакомая жизнь.

...И поезд опять прибывает на... Родину (?)

...А здесь, как везде... —

ни своих, ни чужих...

В плацкартном вагоне

«Скорый» ход набирает, время его пришло —

Измерять колесами Среднюю полосу.

А моя попутчица – как же не повезло —

Говорливая тетка, жующая колбасу.

И она все болтает, битком набивая рот...

Вот ведь, думаю, надо же – выдался мне «досуг»!

А она – про соседку, Путина, огород...

Начала о себе. Побежали мурашки вдруг.

И в глазах ее шевельнулось на самом дне

То, что с детства задолблено: взялся – тяни свой гуж...

Ее сын в девяносто пятом погиб в Чечне.

В девяносто девятом повесился спьяну муж.

Она, пот отирая со лба, говорит: «Жара».

Отхлебнув воды, улыбается: «Хорошо».
У нее умирает от рака в Москве сестра,
Она едет прощаться с последней родной душой.

Паренька жалеет: «Совсем еще не окреп.
Видно, мать измаялась, бедная, ждать сынка!» —
Спит в наушниках тощий дембель, сопя под рэп,
С верхней полки свисает жилистая рука.

Все затихло, уснуло, съежилось, улеглось.
И вагон стучит колесами и храпит.
Но метет мозги бессонницы помело.
Сколько сорных мыслей...
какая из них пронзит,
прошибет, проймет до ядрышка, до нутра? —
«Я лишь пепел Европы, и здесь – не моя страна»...

Как же сладко курится в тамбуре в пять утра!
За окном рябинно, розово. Тишина.

Крепкий орех

...Только мама и ты. И весна на дворе.
Воздух детства, звенящий, как спелый арбуз.
Слово «Родина» – крепкое, точно орех —
не распробуешь с первого раза на вкус.

...Середина пути. И дождем осажден
серый город, дрейфующий в талой воде.
Так бывает: годишься не там, где рожден...
А бывает... и вовсе не годен нигде.

...И трясешься в вагоне – судьбе ли назло? —
Вот и дерево кроной глядит на восток. —
Так подбитая птица встает на крыло,
безнадежно ловя восходящий поток.

...А тебе говорят: «Так ведь это – твой дом!» —
ножевые слова – как удары серпа.
Слово – крепкий орех, да вот только потом...
от него остается одна скорлупа.

...И царапаешь душу в густой трин-траве.
Но с тобой пуповиной земли сплетены —
вместо матери – крест, вместо Родины – две
совершенно чужих неприютных страны...

Город ты мой единственный

Четное и нечетное – улицы арифметика.

– Не говори мне лишнего, ведь все равно – не то! —
В красном трамвае с рожками – шумные безбилетники.
В зыбком морозном мареве – клетчатые пальто...

– Как не поверить в лучшее, если в кармане – семечки,
Город мой, отпечатанный в памяти навсегда —
старой ушанкой кроличьей, булочкой трехкопеечной,
струнными переборами, искрами в проводах...

«Винный», «Пивной», «Закусочный», в меру
обезображенный

пряным закатным соусом; кухонный шут и враль...

– Город ты мой единственный, памятью приукрашенный,
был ты таким «безбашенным» —
выл в голове февраль...

Хватит. Откуролесили. Впору бы образумиться...

Время упругим яблоком катится в никуда.

...Но за подкладкой Города, в тесном кармане улицы
прячется сумасбродная – только моя – звезда...

Капли летят за шиворот. Ветром лицо исколото.

Желтый фонарь качается. Мокрая тень дрожит...

– Город ты мой единственный,

ну, извини – какого ты
лешего бестолкового – стал мне таким чужим?

Что остается? – Вымокшей тенью бродить по улицам,
жадно курить и сплевывать в черные пасти луж.
Город ты мой простуженный, что же ты так нахмурился?
Сколько в тебе утоплено эдаких «мертвых» душ?

Начинается с детства...

Шебутная весна беспричинна, синична.
Во дворе на заре проросла трын-трава.
Город Н-ск, привокзально-базарно-циничный.
Время спит. Полутени свились в кружева.

Утро капает медом. Успеть бы согреться,
окунувшись туда, где... тебя уже нет.
Где гуляет по крышам беспечное детство...
Небо. Ветер. Каникулы. Новый мопед.

Вислоуха надежда, а счастье усато —
полосато. И можно витать в облаках.
И синяк в пол-лица повышает твой статус,
как петарда в кармане да в гипсе рука.

И с раскрытым зонтом ты стоишь на балконе.
Гомонит под окном детвора со двора.
Можно просто сбежать, и тебя не догонят...
— Ну, давай, десантура! Рискни «на ура»! —

Во дворе пацаны. И куда тебе деться? —
Ты летишь в трын-траву, на которой роса...
Так любая судьба начинается с детства,
как родной алфавит начинается с «А».

Ты пока черновик. Ты еще не дописан,
до конца не обжит, не зачитан до дыр...
Утро тлеет, аляя, как ягода тиса.
Ты крупнеешь, но мельче становится мир.

Небо больше не пахнет грозой и рябиной,
подмороженным яблоком, ливнем грибным...
И теперь ты краснеешь за «подвиги» сына...
Время спит. Полутени свиваются в дым.

«Зайцы»

Бродит вечер по городу праздным скитальцем.
Спеет май. Во дворах зацветает сирень.
Мы садимся в трамвай – безбилетные «зайцы».
За душой – ни шиша, в головах – дребедень.

От того ли, что в воздухе терпко и звонко,
потому ли, что кровь будоражит весна,
так охота в подъезде поджечь фотопленку
и соседку-гюрзу оплевать из окна...

– Извините, пожалуйста, не обижайтесь!
Будет время покаяться в этих грехах.
Мы для мам и для пап – ненаглядные «зайцы».
Все еще впереди. Все пока впопыхах.

Мы еще на себя до конца не похожи.
Но все тише и вкрадчивей шепот листвы...
– Извините, пожалуйста, те, кто дороже
всех и вся...
но не все уже слышат, увы...

Память теплой ладонью к щеке прикоснется,
пощекочет виски – по-цыплячьи желта,
как пушок над губой возмужавшего солнца,
как смолистая плоть молодого листа,

из которого вызреет спелое лето...

– Оглянитесь, пожалуйста, снова весна...
но неловко в трамвай заходить без билета...
и в подъезде дымить...
и плевать из окна...

Где-то бесконечно далеко...

Где-то бесконечно далеко,
где светло и радостно до дрожи,
мы с тобой – чисты и тонкокожи —
шлепаем по лужам босиком.

И плевать, что двойка в дневнике!
Облака, как сахарная вата.
На стакан воды из автомата
три копейки сжаты в кулаке.

Дома, всем смертям наперекор,
суеются бабушка и мама.
Краденое счастье из кармана
падает стыдливо на ковер...

а потом...
не то чтобы черта,
и не то чтоб даже и преграда...
просто миг – и ничего не надо,
просто вдруг не видно ни черта.

Топчешься, не помня о себе,
кулаком в чужие двери лупишь...
в темноте нечаянно наступишь
на ногу растерянной Судьбе...

– Это ты?
а может... это я? —
Все мы так похожи-непохожи...

Как тепло...
и радостно до дрожи,
будто видишь с берега маяк...

будто «бесконечно далеко»
очень даже близко...
дома – мама...
мятный леденец под языком...
много счастья —
полные карманы...

Памяти мамы

...И когда онколог развел руками...
и хлестнула черная полоса
по судьбе... и дымными облаками занесло
больничные корпуса —
в жуткий миг, когда умерла надежда
и пахнуло ужасом и концом,
этот мир остался таким, как прежде!
– Так хотелось плюнуть ему в лицо!

...И меня шатало – от слез и водки.
Сигаретный пепел летел в глаза.
Пьяный двор качался разбитой лодкой.
– Мама, сколько нужно тебе сказать!
Сохранить тебя – до последней пяди!
...А потом... моя неживая тень
наступала на ноги тем, кто сзади —
в похоронный хмурый осенний день.

Только боль – по горло, тоска – по поясу
да в пустынном небе – никчемный свет.
Так чего-то ждешь, опоздав на поезд,
и ненужный держишь в руке билет...
...И опять рождается по привычке
новый март, готовый пуститься вскачь.
Акварельно, ветрено и синично!

Несомненно, время – хороший врач.

Но со мной – мои «болевы́е точки».
И как нерв искрящийся – моя звезда,
невзначай застрявшая в междустрочье.
И «кривая» вывезла не туда.
И до боли ясно – не быть Поэтом
(что ни слово – рублено топором)...
– Только, мама... где же твои заветы?
Где-то там – у вечности под ребром?

Ты прости, во мне тебя слишком мало,
я хочу не сбыться, а просто – быть.
Не смогу я жить по твоим лекалам,
не сверну с дороги своей судьбы.
Я – чужой Вселенной слепой осколок,
потерявший веру в благую весть.
Если Бог безмолвствует, как онколог,
как-то глупо спрашивать: «Шансы есть?»...

«Незачет»

...В этот двор вернуться – в свое начало.
Во дворе – пернатая чехарда.
Мой бумажный кораблик приплыл к причалу;
на борту написано «НЕ БЕДА».
Ерунда написана – не «ПОБЕДА».
Поделом мне, в общем-то, поделом!
...А кому-то мама кричит: «Обедать!»
– Все такой же двор. И такой же дом —

неизменно-желтый, пятиэтажный.
Из окна открытого – чей-то взгляд...
это мой ровесник – такой вчерашний
и бесстрашный как... тридцать лет назад.
У моих ровесников все достойно.
Наступает срок собирать плоды...
Отчего ж не завидно и не больно?
– Совершенно искренне – «до звезды»!

И в пустых карманах ветрам не тесно,
но судьба-зануда опять ворчит —
говорит, такие, как я – не к месту.
Посылает к черту на куличи.
Говорит, что каши со мной не сварить,
что и бесу не надо такой родни! —
Я, как волк тамбовский – плохой товарищ.

Тут и спорить не о чем. Извини.—

И слова в висках – как удары гонга.

И опять за пазухой – ни шиша.

И помятым шариком для пинг-понга

под подошвой жизни хрустит душа.

И опять до ужаса неохота колошматить

рифмами наугад

ветряные мельницы Дон Кихота —

те, что машут крыльями и... летят...

И от этого вряд ли найдется средство.

Не по всякой шкуре судьбы клеймо.

...Хорошо сидеть на скамейке детства,

где такое вкусное «Эскимо»,

все, что все сказано, забывая.

Да и то, что было, теперь не в счет.

Вот и все. Бывает же так... бывает.

«Незачет» по жизни мне... Не-за-чет.

«Висс бус лаби»²

Моему другу

Инге Д.

...А лучшего вовеки не найдешь ты; пусть этим никого не удивишь. Гуляет кот (не тот, который «ешкин») по Городу (который – не Париж.) Свобода? – Ну... какая, блин, Свобода! Здесь проросли друг в друга на века, хоть не сказать, что – братские – народы, но слышащие оба языка.

«Гудят» соседи. Ванька бросил Янке, все «точки» расставляя кулаком: «На кой мне в Риге – НАТО-вские танки?! И Запад окаянный мне – на кой?!» — И не расслышать, что ответил Янка... – а надо ли? – Рассеялся туман... и, верь-не верь, они поют... «Смуглянку»... и тут же — «Кур ту тэци, гайлит манс»³...

Стучит в висках рассеянное время. Идут часы, отмеривая пульс. Пусть нет войны не знавших поколений, но... все равно – на всех не хватит пульс.

² Все будет хорошо (латышск..)

³ Известная латышская песня.

...как страшно убежать от сновидений. Вот форточка открытая дрожит. Вот кот урчит. Вот грудь сосет младенец. Здесь каждый вдох и выдох – это жизнь. Ты слышишь? – Море стонет в трубах ржавых... а Город бьется рыбой на мели. Молюсь, чтоб никакие «сверхдержавы» его не сдули – перышком – с земли...

Храни, судьба! Не будь со мной в разладе!...сегодня — без особенных причин – сказал мне старый дворник: «Висс бус лаби!» и залучился нитями морщин. Кипит весна живым подкожным соком, распахивает душу сквозняком. ...И я иду в «прекрасное далеко» – с китайским камуфляжным рюкзаком.

Дымы отечеств

Все мимолетно и непоправимо.
Лохмотьями – на шпильях— облака.
Отечество клокочет едким дымом
в прокуренной груди товарняка.
В ознобе Город; каждый перекресток
вздыхает: «Лишь бы не было войны!»...

– А помнишь? —
мы в безумных девяностых
взрослели на развалинах Страны...

Наш мир, давно потерянный, не рухнет.
Нам – по большому счету – все равно,
когда и с кем на тех же самых кухнях
пить то же полугорькое вино. —
За то... чтобы у стен отсохли уши,
чтоб слово закипело, как слеза...

а Бог молчит, с прищуром глядя в души —
в который раз не знает, что сказать. —
Возьмет— по паре – всех (как при Потопе),
чтоб каждый удивлялся, что – живой,
пока по угасающей Европе
гуляет призрак Третьей мировой...
и мимо проплывают чьи-то лица —

глаза в глаза – сплошной «лицеворот».

...но будет перевернута страница.
...И Стрелочник часы переведет.

...А время... —
ни черта оно не лечит! —
«Мгновения... как пули у виска»...

– Давай покурим, все «дымы отечеств»
бесстыдно выдыхая в облака...

Солнцем – на синем...

...Впереди – колокольно-ржаная Россия.
Купола – по глазам! – Так пронзительно-ясно.
(Все казалось мне писанным солнцем – на синем...
оказалось: все писано гарью – на красном...)

Если плачешь, к стволу припадая – береза;
чтоб повеситься – больше подходит осина. На
заблеванной скатерти – пьяные слезы. «Да какого ты
ляда рыдаешь по сыну? – Ведь вернулся. Уже восемь
месяцев – дома. Цел-здоров. Нет работы? —
Найдется халтура!» (Объяснять им, что значит —
с «чеченским синдромом» – все равно что
доказывать: пуля – не дура.) Нет, не дура. У пули —
другая натура...

Делу – время. Страна продается «по таксе». На
элитной Рублевке – своя «субкультура». На странице
истории – жирная клякса. На воде, значит – вилами:
«равному – равный»? – Прокричать бы навзрыд:
«За Державу обидно!» – Все казалось мне писанным
ложью на правде, а подложная правда казалась
постыдной...

От себя убегая, дрожишь на перроне.
И душа умирает, себе же – чужая.

Тут не то что слезы – и плевка не обронишь!..

«Посошок». Без закуски.

– Меня уважаешь?!

...Бездорожье, бурьяны, кресты на погостах,

все быстрее мелькая, проносятся мимо.

Время смыло оттенки лихих девяностых...

и российское знамя взлетело над Крымом.

...Но хлыстом по спине ветер смерти – с Донбасса.

– Сохрани пацанов! Не пускай их из дома! —

Чтоб дожди не стонали над «пушечным мясом»!

...И повсюду – раскаты весеннего грома.

Пусть мужик перекрестится (...грянет – не грянет?)

От разбитого тракта до неба – Россия...

Я стою на коленях, а в горьком тумане —

купола, купола... —

золотые. На синем.

Шурави⁴

*Моим друзьям, прошедшим Афганскую войну,
посвящается.*

На посту – караульный. В горах – засада.
И трассируют пули. И ночь светла.
Спит вповалку взвод (наконец – прохлада),
но не спит в Кабуле Наджибулла.
В офицерском блоке бренчит гитара...
– Ты, браток, до дембеля продержись! —
А потом – в Ташкент, и домой – в Самару.
Под горой – арык. За арыком – жизнь.

...В кишлаках меняют гашиш на мясо,
ткут ковры, рожают, растят бачат...
Но кровавым заревом опоясан —
за хребтом разбитым – Джелалабад.
А с утра – жара. На зубах горячей сладковатой
пылью скрипит Афган.
– Здесь война, солдат. На войне не плачут.
Отгорюешь после. Терпи, братан!

...Стал осколком памяти для кого-то,

⁴ Шурави – в переводе с арабского – «советский». Распространенное обращение воинов-афганцев друг к другу.

упорхнувший облаком с этих гор,
рядовой 4-й саперной роты.

(Потому что первым идет сапер.)

Здесь одна война, и одна дорога —
вдоль ущелья. «Духи» смелей и злей
оттого, что профиль чужого Бога
отпечатан пламенем на скале.

...А в «зеленке», в утренней дымной сини —
бородатый снайпер. В прицеле – жизнь.

Но парнишке кажется: там —

Россия разметала косы шуршащей ржи...

и уже как будто дрожит над пашней —
соловьиной зыбью – афганский жар.

Шурави светло... и почти не страшно...

но вздыхает эхо: «Аллах акбар!»

– Спи, Бача⁵! – в неполные девятнадцать.

Пусть стакан наполненный будет пуст. —

Третий тост. Измученный Ан-12

принимает свой неподъемный груз

и летит домой, где опять о чести говорят с трибун,
где гремит оркестр...

– Как живешь ты, Родина, с грузом 200?

Как ты тащишь цинковый этот крест?

Четверть века кто-то, хрипя от боли,

⁵ Бача – в переводе на русский – «парень», «мальчик». Обращение ветеранов Афганской войны друг к другу (особый знак единства.)

видит сны, проросшие на крови.

И, пронзая душу, над голым полем
острым клином тянутся... шурави.

И колотят годы в плечо, с отдачей.

На плите гранитной горит свеча.

– Третий тост, братан. Шурави не плачут.

Отгорюешь после. Терпи, Бача.

Постновогоднее

Зимний город – осколок чужого наследства —
прижигает лицо, как пчелиный укус,
и хрустит на зубах карамелькой из детства. —
Хорошо... – на не слишком взыскательный вкус.

Хорошо... – потому что рукой – до Парижа.
Над Монмартром – луна. И вино – дотемна.
Кто сказал, что далекая Родина – ближе? —
«...был ли мальчик?»
(ну, в смысле – была ли Страна?)

...Отболеть-отгореть-улететь в «несознанку» —
все нормально, все средства давно хороши.
Ты, как Маугли, прячущий волчью изнанку —
в камуфляже глухой человеческой души.

Да куда ж – от себя? Доживай иноверцем,
догорая костром на чужом берегу.
Продолжайся – ожогом на чьем-нибудь сердце,
беглой строчкой, пунктиром лыжни на снегу...

Белый город мятежные мысли хоронит.
И уже однозначно – тебе не родня —
пассажиры на гулком метельном перроне.

И... да здоровствует Родина!..

Пусть... – без меня.

Театр Карабаса
Ольга Челюканова. г. Москва

Об авторе:

Родилась в Приморье.

Окончила Литинститут имени А. М. Горького.

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

© Челюканова Ольга, 2016

Карточный домик

1

Из атласных, презнакомых, новых,
К сожалению, – «игральных», карт,
Дом стоял... Но на каких основах?
Промолчат и Ньютон, и Декарт.

Выстроен – из всей колоды разом!
Двухэтажный. Виден – далеко...
Справа – превосходная терраса.
Слева – замечательный балкон!

Где стоял тот домик – неизвестно...
Может, близко? Очень может быть...
А вокруг – цветы! Столпились тесно...
Как бы их названий не забыть!

Короли в том доме мирно жили
И друг другу говорили «Вы»,
Потому что короли носили
Сразу две красивых головы.

Жили там четыре чудо-Дамы...

И хоть были четырех мастей,
Никогда не вспыхивали драмы
И не ждали горестных вестей.

Танцевали в разноцветных залах,
Приглашали в гости добрых фей...
Никогда не делали скандалов,
Потому что были эти Дамы
Раза в два обычных дам умней!

Им служили вольные Валеты.
Охраняли. Пили славный эль.
Не было напраслин и наветов,
Даже не слышали про «дуэль».

Жили там два брата-близнеца.
Джокеры – шуты и менестрели.
О! Они шутили без конца!
И играли гаммы на свирели...

Вечерами голубыми, длинными,
Братья запасались мандолинами
И тогда – откладывали гаммы
И аккомпанировали Дамам.

Боже мой, как пели Дамы эти!..
Слаженной квартета нет на свете.
Звучное контральто Дамы Треф...
И Бубновой ласковый напев...

Медленно над домом появлялось
Лунное подобие часов...
Дверь сама надежно запиралась
На воображаемый засов.

Шла колдунья-Ночь воздушным шагом...
Прах земной – не для ее ноги.
И соцветия цыганских шалей
Медленно роняли лепестки...

2

Что было – неизвестно.
А может, просто так
Разрушилась, исчезла
Гармония... мечта...

3

Я – не верю!
Вот – жутчайший вымысел:
Кучка черных
Сморщенных трилистников...

Горстка красных
Вырванных сердец...
Карты смешаны!
Пропал
Дом, который тут стоял.
Пики – пеплом!
Буби – кровью!
Так играйте!
На здоровье.

4

Ты стоишь невесомо-упрямо.
Над тобой незакатна Луна.
И Крестовая грустная Дама
На дорогу глядит из окна...

Булгаковский цикл

1. Начинающей трагической актрисе

Плохо плачешь, малышка.
Но надо учиться.
Дама плачет не так, как положено
В обществе, в общем-то, – в драме...

Как-то так, как, наверно, восплачет волчица
Со светящимся взором,
Летящая лунными льдами...

2. Маргаритина мазь не поможет

Маргаритина мазь не поможет.

Не взлететь. Не вернуть. Не найти.
Можно все перещупать пути,
Перервать, перепутать – все то же!..

Кто бессильно шагает вдоль полок?
Кто там платит бессрочный налог?
Продырявят дожди потолок,
Но не сдвинется траурный полог...

Только книги молчали рядами.
Только звезды стояли в окне
И, тебя понимая вполне,
Не предали. Хотя – не рыдали...

Лишь родство переходит в сиротство.
Так звезда – зажигает звезду
И в густом трагедийном чаду
Снова голос живой отзовется

Сквозь блудливые радиоволны
И мирское словечко «успех» —
Запоет! Через муку помех.
Напоенно. Эфирно. И полно.

3. У зубчатой стены

Отошли далеко времена
Оголтелых баскаков и ханов.
Хорошела страна, веселела сполна
Под охраной кровавого хама.
Там, на башнях, давно не орлы —
Пентаграммы сверкают упрямо,
Но кресты уцелели на храмах
От погромов «грядущего хама»
Посредине огромной Орды.

4. Михаилу Булгакову

21 ноября обрела наконец книгу о нем, долгожданную, тщетно искомую.

В день архангела Михаила

Я нашла ненароком то,
Что так долго не находила...

(А осенних дней решето
Исходило злыми дождями,
Теми, что не от слова «жди».
Время – стерто распрями, прями,
И слепыми поводьями,
Повторяющими упрямо,
Что они лишь – шагают прямо,
Что они-то и впрямь вожди...)

...Вы – у красной зубчатой стены
С ощущением зыбкой вины.

Метафизика здешних мест —
И надежда —
Меж рубиновых знаков – крест.
Как и прежде.

Запрокинете голову: «Боже!
Ну, ответь мне: доколе, доколь?!...»
Ветер – стоном сонма казенных.

А за Вами – странный прохожий...
Ба! Фигура в пальто казенном,
Наживая себе звезду
На невидимых миру погонах,
Находя поступок резонным,

Вслед метнется – серая моль.
Не «пузырь асфальта» – мозоль.

«Что ж, на набережную!
Уйду».

5. Доносы

*...Это были не доносы, а докладные записки.
Фраза преподавателя «общественных наук»*

...Ну, а когда возник протез ликбеза,
То всякий возомнил,
Что мил богам – кто грамоте обучен.
И в этом мире, грязном и вонючем,
Теперь уж каждый с музами дружил
И рифмовал: «Даешь! – Ядрена вошь!»

О, графомания советского доноса,
Еще не писана история твоя.
Стояли буквы доверчиво и косо,
Идейно-ядовитая струя
С конца пера напыщенно свисала...
За ордера квартирные, за сало.

А зачастую просто так – из зоологии,
Геронтологии, а не «идеологии»

Сжирал сосед соседа, нависая
Над строчками доноса... Будто сало
Сжирал. И было мало, мало, мало.
И мама мыла, мыла, мыла раму.

Усатый все винищем запивал.
И к новым достижениям призывал.

6. Новый «НЭП»

Вы скажите на милость:
Как вам наш новый «НЭП»?
Все смешалось, свалялось, свалилось
В темном вихре судеб.

Это время похоже
На затоваренный склеп.
Все дороже, дороже, дороже —
И улыбка, и хлеб...

И шарашит морозом по коже!

Восхваляет время сие, кто выгодно слеп.
Восхваляет вслух
Лишь тот, кто выгодно глух.
О, глумливое время! На золоте – крови след.

И «горящее сердце Данко» —
В толстом сейфе швейцарского банка!

7. Непраздничное обращение в праздничный день

*...Станиславский был так красив, что и я
загляделся. Он был естественный король во всяком
царстве, и всех королевских тронов на него не
хватило бы. Немирович же был так умен, что мог у
лучшего короля служить в министрах (обоих видел
у барона Н. В. Дризена.)*

В. В. Розанов «Как падала и упала Россия».

Ах, Константин Сергеевич!..
Вы так очаровательно рассеяны,
Как будто спор ведете с Немировичем
О странном бюсте, что гнездится в вестибюле...
Искусствоведческий, суровый спор.
Диспút!..

(О, как Вы светитесь при взгляде
Из наших нор, и шор, и пут...)
Хотя и нас, и Вас надули эти люди.

О, ветры времени. От них не поздоровится.
Такие арсеналы не расстреляны.

Погаснет свет! Даешь Театра Мрак!
Да будет так.

27 марта. День Театра

8. Гелла

Холодное, мертвое тело,
Ведомое праведным гневом,
О, Гелла, ужасная Гелла,
Зеленая голая дева.

Творя отомщение смело,
Растут оголенные руки.
О, Гелла, бесстыдная Гелла,
Тень страсти в сиянии муки!

А в теле – душа изболела.
А телу – претит неподвижность.
Убийственно светится Гелла
Волос своих факелом рыжим!

Разбужена. После – забыта,
Когда свое сделала дело.
Что дальше с тобой – шито-крыто.
О, Гелла, трагичная Гелла!

Зеленые бедра и груди,
А волосы – факелом взмыли!
Орудие. Просто орудье.
Использовали – зачехлили.

Такого ль желала удела?..
В ответ захохочешь хрипато.
О, Гелла, о, бедная Гелла,
Читатели не виноваты...

9. Коровьев

Ах, сударь в клеточку,
Постой минуточку,
Подстрой-ка шуточку,
Или дай под дых!
Скажи двусмысленность;
Комплимент изысканный,
И до того неискренний,
Что захватит дух!
Зависни в воздухе,
Ведь ни житья – ни роздыху.
Управдомы грозные —
А ты плюнь на них!
Черканут квитанцию
И запретят вибрацию
Мотыльковых крыл

Невидимых твоих...

10. Пилат

Среди бурлящих толп Ершалаима
Ему не плыть. Чужое – мимо, мимо...
Пускай кипят умы!

Вот педантично так и аккуратно
Уже намылил руки прокуратор.
Осталось лишь умыть.

Толпе на радость выпущен Варавва.
...И тут надежды искра умирает.

Пилат уныло руки утирает.
...Вода в сосуде дочерна кровава.

11. Темные лошади

Эх, палки-елки,
Сколько в челке
Контрабандного серебра!..

И – маловато

Роста – «в холке»,
Знать, мало холят,
А хотят,
Чтобы бежали мы
Не слишком малахольно!..

Мы, лошади, которые – во тьме,
Так любим поворчать
Насчет своей планиды.
Но знаем: где-то и на нас
Имеют виды.
И будет ипподром
Еще от нас торчать, —
Как космодром!

Мы кони тьмы,
Мы негатив победы,
Мы дети удивленного побега
От неизбежности.
Мы вносим неожиданную ясность
В нахально подтасованный итог.

Тот, кто на нас не ставит,
Тот рискует не проигрышем —
Временным и энным:
Рискует вечным выигрышем он.
Не видя нас, едва-едва бредущих,
По колено в восторгах,
Адресованных не нам,

Едва скользящих в черных, ломких травах...
(О, хоть бы горсточку небесного овса...
Не ведаем виновных или правых,
Но чувствуем, что бегу – нет конца...)

Не ставящий на нас – не просекает
(вот паразит),
То, что сквозь нас сквозит
И то, что в нас самих таинственно сверкает.
И вас сразит.
Оно сильнее нас.
Сейчас, сейчас

На нас, – оплеванных, чешуйчато-лишайных,
Приблудных чужеродных попрошаек
Поставьте, сударь, грошик.
Отломится вам выигрыш хороший.
Вы с нами – изживете неизбежность!

...Но, право, сколько в гриве седины.

12. Оглянувшийся вниз

Ушедший с надеждой —
В живого надежду вселит
И веру в холодный,
Но непотопляемый мир.

Где звоны колодников
Гулкий глотает эфир.
Где чрево земное,
Как тело людское, болит...

Старинные странники
Смутной бредут чередой
В раздранных одеждах.

Свирепствует воздух седой —
Ветр стадных времен
В разметенных и взвихренных космах!
Но в каждом провальном зрачке
Разверзается Космос...
Земля остановит скитальца,
Хлеба преломив.

Наивна, невинна, нетленна ее атмосфера...
Он видит:
...По центру Сахары, не тая,
Петляют следы Агасфера;
По следу – слепой и усталый слоняется миф.
Цепочка следов вырастает...
Кончается Эра.

13. Реклама

Храните вашу валюту
В несгораемых примусах!

Театр Карабаса

1. Полечка

Маленькие куколки, тонкие и хрупкие,
С крохотными губками, бусинками глаз,
Танцевали полечку на потеху публике
В голубом и розовом театре «Карабас».

«Карабас-Барабас любит нас!
Никому никогда не отдаст!»

Танцевали полечку милую, веселую,
Танцевали в сотый, в миллионный раз.
Потешали публику. С каждого – по рублику
В голубом и розовом театре «Карабас».

«Карабас-Барабас это – да-с!
Никому никогда не продаст!»

Публика кричит: «Еще!» Дивно! Обхохочешься!
Ну-ка, ну-ка, куколки, распотешьте нас!
Снова мини-каблучки четко ритм отстукивают
В голубом и розовом театре «Карабас».

«Карабас-Барабас! Вот – дает!»

И у касс не рдеет народ!..

2. Представление окончено

Отзвучали маленькие флейты.
Факелы погасли. И теперь
Суета лакеев и фореиторов
Не ворвется в низенькую дверь...
Но за стенами полотняными,
Полосатыми, балаганными
Мрачно ходит шагами пьяными,
Раздавить сапогами грозит
Их хозяин и злобно басит:

3. Куплеты Карабаса

Я великий Карабас, знаменитый Барабас
И моя борода – бесконечна!
Я и в профиль и анфас бесподобный Барабас!
И неведома мне человечность!
Я великий Барабас, несравненный Карабас!
Возразить не посмеют, конечно же.
Танцевать заставлю враз этой плеткой хоть сей

Кучу грязной вонючей ветоши!

4. Танец плетки

По бархатным жилетам
Жгу! Жгу!
По кружевным манжетам
Бью! Бью!
По лицам тонким, бледным
Хрясть! Хрясть!
Ни в первый – ни в последний!
Власть! – Всласть!

5. Актеры

Промокнула слезинку Мальвина
Кружевною своею пелериной.
Рукавом, скроенным хитро,
Пот холодный утер Пьеро.
Из-за мокрых усталых спин
Тяжело смотрел Арлекин.

6. Силуэт К-К-Каррабаса

Он восседает в темноте.
В плаще, в цилиндре, в бороде.
И бородища так длинна,
Что полусонная Луна
Была захлестнута жгутом
Клочкастым, рыжим, и потом
Ее принудили на треть
Накала медленно гореть.
И с Карабасовой руки
Пихнули на колосники.
И до сих пор она висит.
Не гаснет... Но и не горит!
Висит одна... На высоте...
«Бананы зреют в темноте!»

7. Думы Карабаса

«Под пленною Луною,
Ленивою, больною,
Зато такой ручною
Мне сладко пребывать...

Горжусь своей мошною!

Полегче-ка со мною!
Монетки – я не скрою —
Все будут прибывать!

Я мыслю очень здраво,
Пью кофе и какао.
Мой капитал – направо —
И я направо пру!

Кто пикнет, что неправый,
Когда имею право!
Командуя оравой,
Сказать умею «тпру»!

Панически боятся
Тряпичные паяцы!
Пугаются и пальца,
И голоса, и глаз...

Но... мне пора податься
В привычное палаццо,
Как следует проспаться
И подвести баланс!»

(Широко и громко зевает.
Развешивает актеров по гвоздям.
Грозит плеткой сцене. Уходит.)

8. Недоумение Луны

Я – ночное светило.
Я недавно – светило!
Но когда это было...
Но когда это было...

9

** **

Марионетка по ночам не интригует.
Ее эмоции сгорают постепенно,
Когда на ржавом гвоздике привычном
Она висит, висит себе всю ночь...

Марионетка ночью обмозгует
Своих поступков скорбные ступени,
И степень истины доступной,
И наитий неуправляемые,
Страстные приливы.

И все свое отличие от прочих,

И общее постигнув в одночасье,
Дабы не чувствовать себя несчастной,
Она безотлагательно захочет
Бежать, бежать, бежать отсюда прочь.

С гвоздя ль сорваться.
Нити ль перегрызть.
Но действовать. (Устала – только мыслить).
Но создавать. (Устала – сознать).

Уже не будет в душу ей плевать
Надменный кукольник.
И в бессловесном штате
Числить.

Литературой греясь на бегу

Лена Берсон.

Израиль, г. Тель-Авив

От автора:

Родилась в Омске, жила сначала в Тверской области, потом в Москве, сейчас живу в Тель-Авиве. Окончила журфак МГУ, правда, это было уже довольно давно. С тех пор работаю журналистом. Не представляю своей жизни без книг и собак. Люблю самодостаточные голоса и осмысленные поступки.

© Берсон Лена, 2016

«В детстве, когда мы бывали в Сочи...»

В детстве, когда мы бывали в Сочи,
Как я мечтала о разных странах!
Вроде я выросла, даже очень,
Вроде пока не считаюсь старой.
Больше не нужно скрывать от мамы
То, что лишает ее покоя.
Даже бразилии и вьетнамы
Теоретически под рукою.
Белые яхты на водной глади,
Снежная пыль в середине лета.
Я не хочу ни вершин, ни впадин,
Ни восхититься: «Живут же где-то!»
Все, что, казалось бы, достижимо,
Чем неоправданнее – тем ближе.
Что мне смотреть, как живут чужие,
Если годами своих не вижу?
Время приходит, снимает скальпы,
Прячет в больницы и богадельни.
Господи, что-нибудь, кроме скайпа,
Есть в твоей милости беспредельной?

«Тут у нас включается свет...»

Тут у нас включается свет
Для побед над силами тьмы.
Это дом, в котором сто лет
Не были счастливыми мы.
Вот он, одичавший подъезд
С выбитым над ним кирпичом.
Я мечтала жить, но не здесь.
Мама – я не знаю, о чем.
Столько разномастных частей
Ни за что не сложишь в одно.
Здесь, когда мы ждали гостей,
Солнце ударяло в окно.
Под непробиваемый джаз
Гости приникали к еде.
Что же остается от нас,
Если ничего и нигде.
Ни в какой прекрасной стране
Ни в какой ужасной стране.
Разве это все обо мне?
Разве это все обо мне?
Раньше б я сказала – ого,
Столько вообще не живут.
А теперь я знаю, живут.
И не говорю ничего.

«Когда у нас 8.15, у вас война...»

Когда у нас 8.15, у вас война.
Но те же дворы и дороги, и галок стаи.
Ты разве не чувствуешь, боже мой, тишина
Пугает сильнее, чем раньше пугала старость?

Ну, слушай, когда мы стареем, то это гуд,
И наши болезни – всего лишь болезни роста.
Ох, как мы развеемся – в смысле, когда сожгут,
Хотя это здесь не положено и непросто.

Нам с возрастом стала нужнее родная лесь.
И нежное слово мерцает во тьме кромешной.
Не надо, чтоб все оставалось таким, как есть.
Пусть все остается, но только другим, конечно.

Герой разревется, но выйдет вперед слабак,
И скажет – ну где, мол, победа и где, мол, жало?
Когда на иконах начнут рисовать собак
Мы станем как дети. А раньше не стать, пожалуй.

«Все детство я пробегала за хлебом...»

Все детство я пробегала за хлебом,
За солью, за минтаем, за сметаной.
Поэтому не знаю, как устроен
Наш мир, где нет того и нет сего.
Я как-то пропустила объясненья
И все пришлось додумывать потом.
А юность я пробегала за водкой,
За пивом, за кагором, за портвейном,
Любуясь на бегу архитектурой,
Литературой греясь на бегу.
Я выучила стансы и сонеты —
Так часто было с ними по пути.
А вот теперь я бегаю по кругу,
Не то чтоб ничего не покупая,
Но больше не надеясь, что сметана,
Минтай и хлеб мою изменят жизнь.
Поэзия тем более бессильна,
Но греет как зарвавшийся портвейн.

Новый год в Тель-Авиве

Первый январский, безжалостный, как приговор.
Новое счастье, но как новоселье убого.
В полночь Серега с Аленой выходят во двор.
Ну, покурить, ну, оправиться, шутит Серега.
В прошлом году мы справляли его юбилей.
Стукнуло сорок. Он, в общем, неплохо устроен.
Жалко Аленку. Ей с возрастом все тяжелей.
Двое детей и собака. Практически трое.
Моет квартиры и школу – не ту, где Антон.
Старший ее. Говорит, стал немного спокойней.
А у Сереги разладилось дома. Зато
Сделали боссом. Он только смеется: «На кой мне?»
В общем, у нас оливье и другая еда.
Все с майонезом. Девчонки готовили сами.
Выпьем за старей... за старей и новый года,
Как полагается в мире, протоптанном нами.
Сколько ненужного напривозили с собой.
Сколько любимого было по дури не взято.
Первый январский, а солнечный, а голубой.
– Ты вспоминаешь?
– А я вспоминаю.
– А я-то...
Сколько надышано было. Да ладно, бог с ним.
Только предчувствие боли по-новому дразнит.
И никому уже, собственно, необъясним

Наш неизвестно на чем отмечаемый праздник.

«В каракули спрячу в эти...»

В каракули спрячу в эти,
А чем я могу помочь?
Там ветер сменяет ветер,
За ночью приходит ночь.
Там свечи едва погасли —
Уж новые под рукой.
Там в праздники все на масле,
А в будни тоска-тоской.
Там если восстал из праха,
Смотри, не жалея потом.
Там память смиряют страхом,
Поклонами и постом.
Там даже святые с нимбом
Из нежности, черт возьми,
Темнеют лицом на снимках
Для нерукотворных СМИ.
Там все, что вчера сияло,
Сегодня почти зола.
Там даже под одеялом
Не выцганить тепла.
Там надо скрывать увечье,
Пока на своих двоих.
Там мертвые человечней,
А то и живей живых.
Где ветер сменяет ветер,

Где может пропасть любой...
В расхристанном сером свете
Сгорает моя любовь.

«Господи, как я хочу в Москву!..»

Господи, как я хочу в Москву!
Господи, как я о ней скучаю!
Будто бы где-то еще живу
Будто куда-то вхожу с ключами.
В светлом сиянье ее огней
Я бы с размахом взялась за дело:
Я бы ухаживала за ней
И нестерпимо ее жалела.
Я б утирала ее платком,
Я бы ее посыпала дустом.
С этим кремлевским ее катком,
Самодержавьем и самодурством.
Я бы согрела ее за так —
Ей ли мои обновлять заплаты?
Больше не может поймать закат
Остекленевший балкон на пятом.
Если погашены все огни,
Если не скоро зажгутся снова —
Выбери и пересохрани
Музыку, что ли. Хотя бы слово.

Марина Ивановна

Бабушкина подруга к нам на тарелку супа
Шла, как идут на плаху и на условный знак.
«Голод, моя родная, это такая сука,
Выжить как будто можно, а пережить никак!»

Бабушкина подруга не выносила сборищ,
Шумных семейных празднеств с топотом у стола.
Дикую эту птицу ради своих «сокровищ»
Ни приручить, ни выгнать бабушка не могла.

Бабушкина подруга шила чертей и кукол,
Высокомерных кукол и молодых чертей.
«Старость, моя родная, эта такая штука,
Чтоб разозлить героев и напугать детей».

Бабушкина подруга втайне гордилась строчкой
Как уцелевшим текстом из устаревших слов.
«Строчка должна быть вечной или хотя бы прочной», —
И разминала пальцем крестообразный шов.

Бабушкина подруга мало кого любила
И говорила только, зная наверняка.
Если она дарила что-то, то это было
Чем-то не больше спички, стачанным на века.

И у меня остался поздний ее лукавый.
Сшиты крестообразно плюшевые края.
Бабушка говорила: «Что ты, Марина, право!»
«Что вы, Марин Иванна...» – ей говорила я.

Дерево

Никто не захочет дерево утешать.
Не сунет озябшие ветки в пальто и шарф.
Щекой не прижмется, не скажет: «Да ладно, деревце,
Ну, как бы там ни было, будем пока надеяться...»
Оно от избытка нежности каждый год
Других утешает тем, что опять цветет.
Само удивляется, машет листвой растерянно:
«Я и забыло... забыло, что я растение».
И робко касаясь глупых людских голов,
Всегда не находит слов, не находит слов.

Нона

Здесь вечером все друг к другу нежны
И все друг другу нужны.
Какие глаза у его жены
Под пеплом чужой войны!
Когда она просит пресветлый лик
Вмешаться, рассеять ночь.
то даже джонджоли и базилик
стараются ей помочь.
«Мы с морем похожи», – твердит она,
Наверно, куда верней.
Душа подымается как волна
И соли не меньше в ней.
Все, что уцелеет, зажму в горсти,
Спасу для себя одной.
Чтоб только дыхание перевести
С грузинского на родной.

«Конечно, ни кукол уже, ни лошадок...»

Конечно, ни кукол уже, ни лошадок.
Она их и в детстве любила не очень.
Но запах мой дочери все еще сладок,
Когда прибегает ко мне среди ночи.
Пока я колдую над сахаром жженым,
Над горькой микстурой, над складками платья,
Она зарывается, как медвежонок,
В мои не готовые к миру объятия.
Я тоже недавно не знала, я тоже,
Как в комнаты входит безумье украдкой,
Как солнце касается высохшей кожи,
Как память, стираясь, меняет повадку.
Как память, стираясь, лишает покоя.
Мы бродим по дому, друг друга теряя.
И я говорю своей матери, кто я.
«Мне хочется к маме», – она повторяет.

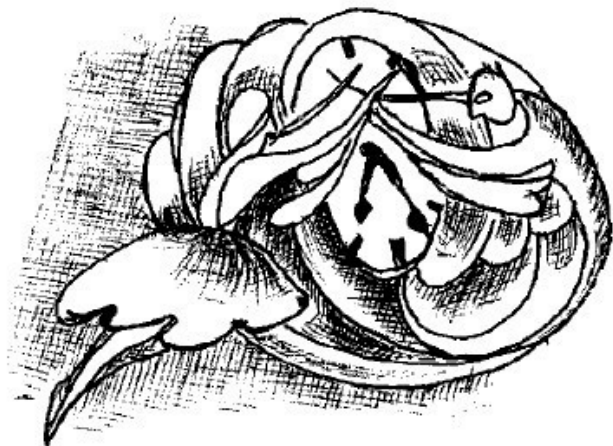
«К маме бы... она не узнаёт...»

К маме бы... она не узнаёт.
А еще недавно узнавала.
Пахнет морем – не наоборот —
Йод на отвороте одеяла.
К ней в палату приводили пса,
Он смешно ей тыкался в колени.
Бабушкина вера в чудеса
Выцветает в третьем поколенье.
Если эта степень пустоты
Означает встреченную старость —
У меня осталась только ты,
И не говори, что не осталась.

Когда мне было пятнадцать лет

Когда мне было пятнадцать лет,
Такой короткой казалась жизнь.
Казалось, могут «оставить след»
Ну, разве кетчуп и рыбий жир.
А кто постарше – проеден ржой,
И сорок с лишним – уже конец.
И «в общем, близкий» всегда чужой.
И «в общем, честный» всегда подлец.
Когда мне было пятнадцать плюс,
Я шла на казнь к девяти утра.
Когда на мамино «я боюсь»
Я отвечала: «а мне не стра...».
Таким ужасным казался мне
Мой бледный профиль, а также фас.
И непонятно, по чьей вине
Разрез японский еврейских глаз.
На Дом печати цепляли флаг,
По главной улице тек народ.
Но запах «Явы» читался как
Обетованье иных широт.
Метель сжигала сухие лбы,
И ветер горькие рты кривил,
Но наш вокзал у базара был
Обетованьем иной любви.
И перемерзшие поезда —

Обетованьем любви иной.
И это то, что спасло тогда,
И это то, что еще со мной.

«Не надо трясти архивом...»

Не надо трясти архивом.
Давно никаких бумажек,
Ни фоток, ни даже писем,
Не прячу и не храню.
Но памяти наших сборищ
Остался короткий список.
Тогда отмечали что-то.
Скорее всего, фигню.
Салат «Оливье» – Марина.
Марине чего попроще.
Марина опять влюбилась
И всюду сплошной разлад.
Доверишь картошку чистить
И прячешь подальше ножик —
Марина отрежет палец
И кровью зальет салат.
Любые закуски – Оля.
Пусть делает, что захочет.
Она – вегетарианка,
Совсем ничего не ест.
А Олю едят все время —
Коллеги, соседи, мама.
И Оля молчит и терпит,
Мол, надо нести свой крест.
Горячее. Лень возиться.

Пусть будет Наташка – рыба.
Наташка мечтает замуж
И смотрит программу «Смак».
И что-нибудь вроде торта,
И что-нибудь вроде чая.
Ну, это на всякий случай.
Вдруг что-то пойдет не так.
Последняя строчка: Слава —
Джин-тоник, портвейн, пиво.
Какое, почем и сколько?
Но Слава – знаток и спец.
А может быть, это значит —
Вино и хлебá отдельно,
А gloria, то есть слава,
Появится под конец?
Ты помнишь, я отвечала
За встречу гостей в подъезде,
Курение на балконе
И выпивку тет-а-тет,
За вымытую посуду,
За фразу «А я останусь?»,
Но нет меня в этом списке.
И в памяти тоже нет.

«От первого снега омского...»

От первого снега омского —
До первого света осени —
Двора с одинокой шавочкой,
Сменились не только шапочки,
Не только фасон и выделка,
Еще – объектив и выдержка.

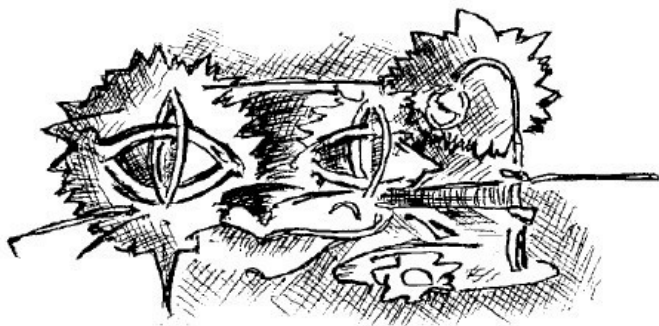
Мы словно бы тут и не жили,
Не нас берегли и не жили.
Привычные к вечной копоти,
Не мы запирались в комнате,
Не мы вырывались в праздники,
Не все запивалось красненьким.

Мы до смерти в счастье верили,
В окно выходя ли, в двери ли —
В никем никогда не житое,
По мерке особой сшитое.
В глазок допотопной оптики
Его вычисляли оттиски.

По рельсам в морозном крошеве
Уехало наше прошлое.
Внезапным прощаньем скованы,
Никто не кричал: «До скорого!»

И память в подтеках окиси
Уже не составит описи.

Мне ясен, не надо паники,
Распад серебра и памяти.
Все кончится, стукнет форточка.
Останется только фоточка —
Где все так размыто, смазано.
Не высказано. Не сказано.

«От прогорклой крепости до крыльца Никольского...»

От прогорклой крепости до крыльца Никольского
Черною зимой

Я ходила тропочкой, узкою да скользкою,
В школу и домой.

Ну, была я девочкой, ну ходила в кофточке,
Купленной в Москве.

Все, что было дорого, будто навью косточку,
Пряча в рукаве.

От казачьей ярмарки до колбасной фабрики
Остановок пять.

Разве только бабушка называла зябликом.
Некому сказать.

Сладость чая мятного, одеяла ватного,
Вещего тепла.

Что я из прощального шепота невнятного
Вспомнить не смогла?

Все гадала-думала, кто ко мне наклонится,
Кто коснется рук?

Что ж меня так запросто оплетьки-кровницы
Выпустили вдруг?

От меня до крепости – только что не просека,
Донник да паслен.

Ну, какая просека? Что-то вроде прочерка

В перечне имен.

«Зимой замечаешь, с каким трудом...»

Зимой замечаешь, с каким трудом
Сознание выходит из темноты.
Стираешь? Стираю. Дурдом-дурдом.
Стареешь? Старею. Как ты? Как ты?
Субботняя стирка, варум-варум.
Как раньше хотелось на юг, на юг!
Последние вещи спустились в трюм.
Ударила рында, задраен люк.
Ты знаешь, как круто любой урок
По старой привычке принять в штыки.
Ты помнишь черемуховый пирог?
А запах черемуховой муки?
Как будто внезапно среди монет,
Как будто внезапно среди молитв —
Заплата от кофты, которой нет,
От песни, не знаю про что, мотив.
Ну как я напомним... та-ра-та-там...
Ну, надо же, господи, как живуч!
Я где-то забыла ключи, а там —
От маминой двери ненужный ключ.
Как время подходит – почти стык в стык,
Как мы непохожи – ни боже мой —
На этих отстиранных горемык

Наладивших робкую связь с зимой.

«Усатые дядьки кричат: «Красавица!»...»

Усатые дядьки кричат: «Красавица!»

Ее это будто и не касается.

Красавице восемь лет.

Она, загребая слегка сандалиями,

Идет под магнолиями-азалиями,

Под грузом забот и бед.

Ей бабушка пишет: «Смотри за матерью,

Она неумеха, а ты внимательна».

Кудрявые кружева.

Еще. С ней не хочет дружить Ковригина,

Которая те же читала книги и...

И, видно, она права.

А самое главное – все кончается.

И ветки под ветром сильнее качаются,

И листья шуршат в траве.

Сентябрь scarлатиновый приближается

И можно сейчас умереть от жалости,

А можно потом, в Москве.

Останется дерево прирученное,

Ученая кошка и море Черное,

Монеты в сыром песке.

Черешневых пятен уже не вывести,

И чтобы не плакать, читает вывески

На выцветшем языке.

Прага

Неужели по нашей вине мы
Оказались в такой передрыге?
С точки зрения Влтавы, мы – небо
В этой зимней заснеженной Праге.
Наша нежность засыпана прахом,
Ключ от дома на Черны потерян,
Догорает закатная Прага
Тихо, как освещение в партере.
Мы достигли трамвайных окраин,
А за нами дрожали и плыли
Темно-синие тени пекарен,
Паутина из веток и спиелей.
И луна появлялась не чаще,
Чем далекий спасительный бакен.
И глазами, как чайные чашки,
Провожали чужие собаки.
Хоть бы мы повернули обратно,
Хоть бы мы постояли недолго.
С точки зрения снега, мы – пятна,
Что чернеют без всякого толка.

Ноябрь

Что за ноябрь, небо в густой пыли.
Где бы мы жили, если б вообще могли.
Чтоб заливали цинковый водосток
Мысли о жизни, но с расширением doc.
Чтобы сплошная правда, какая есть.
Где бы мы были, если б не жили здесь?
Где просыпались бы, засыпали бы?
Или землей засыпало б наши лбы?
Или, вот это лучше уже, заметь,
Мы бы купили город за нашу медь,
Литерный город, ладно, пускай, не весь.
Метра четыре, только уже не здесь.
Что-то не верю в тайный какой-то смысл.
Текст, мол, написан, только волною смывает.
Типа – читай пока что, поймешь потом,
Что прочитала плохо и не о том.
Здесь, где глаза от пыли опять сухи,
Ненастоящие эти мои стихи,
Чтобы сказать не меньше, чем ничего,
Я начинаю с имени твоего.

Обстоятельства времени Александр Буланов. г. Москва

От автора:

Я родился в 1989 году в Москве, стихи начал писать по непреодолимым жизненным обстоятельствам в 23 года. Осенью 2013-го вступил в знаменитую литературную студию Игоря Волгина «Луч», где до сих пор являюсь активным участником литературного процесса, длящегося уже почти полвека. В свободное от сочинительства, работы и семейных дел время занимаюсь организацией литературных мероприятий и телепередач. Кроме того, веду собственный видеоканал на YouTube, посвященный современной поэзии.

© Буланов Александр, 2016

В какой стране

В какой стране, на улице иль в доме
Меня настигнет, оглушит рассвет
И я сойду за гения, но кроме —
Окончен гейм, и матч, и сет —

Сказать смогу сухую благодарность
Или упрек неведомо кому?
Авось судьба – бессмысленная данность
И ничего не виснет на кону.

Авось не буду бесконечно злиться
И благо есть, кому сказать прощай.
Лихая жизнь на градусы кренится,
На благовест, в неведомый мне край.

Не выросла душа, но легче стала,
Не довела до седины волос,
А я пришел уже на край канала,
Где нет домов, и улиц, и берез.

В такой рассвет срастаются обломки
И корабли на байковой волне,

Внизу стоят и предки, и потомки:
Они видны, но недоступны мне,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.